

различных толкований. События, приближающие или отдаляющие конец Византии, настроения, вызываемые ухудшением обстановки или проблесками надежды, находили отражение в той или иной форме в литературных произведениях.

Одно из таких сочинений носит неожиданное название — «Плач по «Тамерлану». Плач («Тренос») — наименование одного из древнейших жанров греческой поэзии. Но здесь оно сочетается с именем грозного завоевателя, с огнем и мечом прошедшего по просторам Европы и Азии, оставляя за собой пустыню и море крови. Парадоксальность этого сочетания обязана тому факту, что Тимур в сражении у Анкиры в 1402 г. разгромил турецкого султана Баязида и отвел от Византии готовившийся ей османами смертельный удар. И так, воспевалась победа, но не своя, как бывало прежде, а чужая, ибо она отсрочила гибель Константинополя. «Плач» о Тимуре не является, однако, подлинным оплакиванием Тимура, умершего вскоре после битвы при Анкире. Начиная с рассказа о походе против византийцев султана Баязида и о поражении их войска, автор представляет возникшего перед турками «полководца-гиганта», могучего Тимура как изъятие божественной воли, как великое милосердие Господа, увидевшего с неба несчастья византийцев²⁶. Тимур — это мужественный герой, «Персей из Персии». Однако героическо-панегирический пафос «Плача» исчерпывается с завершением темы Тимура-спасителя и начинается плач по жертвам его опустошительного нашествия на Малую Азию, по изрубленным и сожженным старцам, детям и анахоретам.

Если в «Плаче по Тамерлану» говорится о битве, отдалившей гибель Византии, то в поэме, называемой «Битва при Варне», речь идет о событии, с очевидностью подтвердившем близость великой катастрофы. Имеется в виду последняя попытка христианского Запада оказать помощь христианскому Востоку. В 1443—1444 гг. с благословения папы римского против турок организуется крестовый поход с участием поляков и венгров под предводительством молодого польского короля Владислава и венгерского воеводы Яноша Хуньяди. Вначале были одержаны одна за другой три победы, но затем последовало жестокое поражение.

Поэма, содержащая 465 стихов, написана под непосредственным впечатлением от битвы 1444 г. ее очевидцем, в чем и заключается ее главная ценность. Автор (как сказано в заглавии) Параспондил Зотикос, философ (т. е. монах), следил за ходом сражения, скрывшись в лесу на холме. Поэма, несомненно, интересна и как произведение, отмеченное литературными и психологическими приметам времени. Поэма отражает не героический и патриотический энтузиазм, а боль и горечь поражения, не эллинскую гордость и стойкость, а страх перед врагом, она написана не по чьему-то заказу, а по личному побуждению. {337}

Для художественного выражения сугубо личного опыта автор вынужден, однако, обратиться к греческому поэтическому койне, к литературным клише, традиционным образам и сравнениям. Грозный бой начинается будто бы с оглушительных звуков труб и других инструментов, раздающихся с обеих сторон, затем завязывается грозная сеча. Под натиском «великого стратега» Хуньяди падают агаряне, «как подстреленные птицы, как скошенные, стелющиеся по земле колосья». Их кровь льется, подобно потокам с неба. Для описания невиданного зрелища автору, как он говорит, не хватает слов. У него отнимается язык и леденеют руки. Настрой меняется с переходом к центральному, трагическому эпизоду — смертельному удару, нанесенному юному королю Владиславу, оказавшемуся в гуще врагов. Некий Хамуза (смуглый, коренастый, лет тридцати, ревуший подобно дракону) отсекает королю голову, высоко подняв ее на копье и вызвав восторженный клич в рядах янычаров.

Сказав о переломе в сражении, автор теми же художественными средствами, которыми описывал избиение агарян, изображает уничтожение христиан, падающих, «подобно срывающимся с высоты птицам». Я же (сообщает он, завершая описание ужасного боя) был подобен человеку, окаменевшему, потерявшему душу и чувства. Этот бой, «подобный бушующему морю», вызывает в нем благоговейный страх перед божественной силой, перед поражающей воображение картиной космоса с умирающими и падающими с неба звездами и угасающим солнцем.

²⁶ Вопрос о том, следует ли византийцам считать победу Тимура над турками подарком Судьбы, был предметом полемики уже среди современников; см.: *Hunger H. Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Grossen bis zum Fall Konstantinopels* Baden-Baden, 1958. S. 286; *Gautier P. Un récit inédit du siège de Constantinople par les Turcs (1394—1402)* // REB. 1965. T. 23. P. 116.